

САМИРА САРАМО

аспирант университета Йорк, Канада  
*sssaramo@yorku.ca*

## ЛИЧНЫЕ ПИСЬМА СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ФИННОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ

В данной работе анализируются три коллекции личных писем североамериканских финнов, живших в Советской Карелии, с целью исследования особенностей жизни иммигрантов, их связи с родиной и их отношения к окружающей действительности в довоенный и послевоенный периоды.

Ключевые слова: письма иммигрантов, транснационализм, материальные условия жизни, молодежная культура, национальное самосознание, локальная идентичность, коллективная травма, историческая модель

Изучение писем иммигрантов дает историкам возможность проследить отношение людей как к своей родине, так и к принявшей их стране и, следовательно, пролить свет на то, какой была жизнь иммигрантов. В данной работе были изучены три коллекции писем североамериканских финнов, живших в Советской Карелии, которые оказались ценным источником для изучения непосредственных условий жизни в Карелии, для исследования культурных тенденций, развивавшихся в среде американских финнов, для понимания того, как финны в Карелии поддерживали связи с Северной Америкой, как они относились к репрессиям и Великой Отечественной войне и лично их переживали. Особое внимание уделяется вопросу о перевозке личного имущества иммигрантов из Северной Америки в Карелию, что позволяет сравнить условия проживания в Карелии с тем, к чему привыкли финны; исследуется также молодежная культура Карелии с целью показать, что строительство социалистической утопии означало возникновение новых этических норм общения и ухаживания; в работе уделяется

внимание и вопросу о том, как авторы писем пытались сохранить связи с родиной, что позволяет проследить сохранение «личной целостности» [3; 4]; наконец, отдельно рассматриваются сведения об арестах и убийствах в период репрессий и войны в письмах североамериканских финнов. Данная работа нацелена на то, чтобы ответить на вопрос: какой была жизнь строителей утопии, как иммигранты понимали свою роль и место в мире и как они справлялись с травмами от террора. Основными источниками послужили именно письма, а не документы коммунистической партии или опубликованные мемуары.

Разумеется, в науке существует интерес к исследованию писем иммигрантов, о чем, в частности, свидетельствует новый канадский проект о меннонитах (меннониты – протестантская деноминация. – *Прим. перев.*), оказавшихся в советских лагерях. Этот проект называется «Letters from Stalin's Russia» («Письма из сталинской России») [5]. Однако после тщательного исследования материалов проекта можно с уверенностью сказать, что очень небольшое количество

научных работ основано на письмах. Британским иммигрантам XIX века посвящены две фундаментальные работы. В 1971 году было опубликовано исследование Шарлотты Эриксон «Invisible Immigrants: The Adaptation of English and Scottish Immigrants in 19<sup>th</sup>-Century America» («Незримые иммигранты: адаптация английских и шотландских иммигрантов в Америке XIX века»), которое представляет собой новаторское исследование на тему британских иммигрантов в США, основанное на личной переписке «обыкновенных» людей. Эриксон доказывает, что благодаря письмам «иммигрант имел возможность сохранить себя и объяснить происходящее вокруг в ситуациях, когда он чувствовал потерю личностных координат» [2; 5]. Однако, на наш взгляд, в книге «Незримые иммигранты» представлено недостаточно информации о том, как нужно изучать личные письма. К счастью, много соображений на этот счет приводится в книге Дэвида Гербера «Authors of Their Lives: The Personal Correspondence of British Immigrants to North America in the Nineteenth Century» («Авторы о своей жизни: личная переписка британских иммигрантов в Северной Америке в XIX веке»).

Методология, которая использовалась при анализе писем из Карелии в Северную Америку, основывается на этой работе Гербера. Для Гербера письма были способом сохранения «личной целостности» в хаосе, вызванном миграцией. Важно отметить, что Гербер призывает читателей рассматривать письма не как способ поддержать отношения с родиной, а как способ развивать эти отношения [3; 3–4]. Эти утверждения представляют собой способ переосмыслиения отношения иммигрантов к своему дому или же ко второй родине (что применимо к некоторым финнам-иммигрантам в Карелии). Таким образом, письма – это способ сохранить свое место в обществе, которое покинули иммигранты; данный подход отвергает как теорию «искоренения», так и теорию «переселения», распространенные в трудах об иммиграции. Эта методология позволяет понять возможность пребывания в двух местах одновременно.

Гербер говорит о том, что содержание писем может быть менее важно, чем та социальная функция, которую они выражают [3; 51–52]. В данной работе при анализе писем, написанных финнами в Карелии, принимается главный постулат Гербера о том, что письмо – это общественный диалог, но в исследовании также уделяется пристальное внимание материальным и культурным условиям написания письма для того, чтобы понять, какую информацию можно почерпнуть уже из его происхождения. Чувствительность к повседневным вопросам и событиям, отраженным на страницах писем, позволяет понять жизнь и ценности автора. Наконец, как верно замечает Гербер, написание письма как источника, играющего социальную роль, дает возможность самопознания [3; 75]. Изучение

личных писем – это плодотворный способ осознания ценности жизни иммигранта на личном, общественном и культурном уровнях.

В данной работе используются три группы писем, которые являются частью коллекции писем, представленной в международном исследовательском проекте «Missing in Karelia» [6]. Коллекция писем Хейно содержит десять писем, написанных дочерью Алисой и матерью Жустиной, одно письмо написано Тауну Сало и адресовано Карлу Хейно. О семье Хейно известно немного: Жустина и Франк Хейно эмигрировали в Карелию из Менага, штат Миннесота, с детьми Биллом, Карлом, Уолтером, Артуром, Урхо, Алисой и Мартой (по старшинству). Карл и Марта вернулись в Миннесоту к Лауре, Арвиду и Уайно (своим родным братьям и сестре), которые остались в Америке. В этих письмах содержится много новой и полезной информации, но при анализе возникают трудности, связанные с датировкой писем (на многих из них даты отсутствуют) и с наличием пропусков в содержании писем.

Вторая группа писем – это четырнадцать писем Аате Питкянена, адресованных его родителям, сестре Тайме и мужу сестры Джиму, а также друзьям, написанные между 29 марта 1933 года и 12 июня 1942 года. Этим письмам предшествует очень эмоциональное письмо, написанное Аате Питкяненом своей тете 25 июля 1928 года. Питкянен переехал в Петрозаводск из Кивикоски, местечка, расположенного неподалеку от современного Тандер Бэя, Онтарио. Удивительная история Аате Питкянена стала известной благодаря документальному фильму «Letters from Karelia» («Письма из Карелии», режиссер Келли Саксберг, 2004), снятому на киностудии Национальной киноассоциации Канады.

Последняя коллекция писем несколько отличается от писем Хейно и Питкянена. Письма Джека Форселла представляют ретроспективный взгляд на жизнь в Карелии в 1930-х годах. В проекте «Missing in Karelia» собрано двадцать восемь писем и несколько рождественских открыток Форселла, адресованных его племяннице Джанет Лехто в родной город Форселла на реке Дог Валей, неподалеку от Тандер Бэя. Письма были написаны между 20 февраля 1972 года и 6 декабря 1996 года, а заключительное письмо было написано его женой Эльви 23 июня 1997 года. В связи с тем что письма Форселла носят ретроспективный характер, их можно поставить в один ряд с доступными опубликованными мемуарами. Однако можно утверждать, что, поскольку Форселл писал свои воспоминания в течение нескольких лет и для определенной аудитории, в письмах содержится более органическая оценка его пребывания в Карелии в 1930-х годах. Несмотря на то что в некоторых статьях (например, «Naaveet jaivat haaveiksi» («Мечты остаются мечтами») Паулы Аутио) делается попытка рассказать историю Форселла [1; 37–43], его личные письма лучше говорят о его жизни.

Несомненно, исследование писем представляет значительный интерес. Однако, как и в любом другом типе источников, в письмах содержится большое количество нюансов, к которым историк должен быть очень внимателен. Самая главная трудность в исследовании писем – это пробелы. Серьезной проблемой может стать отсутствие датировки. Например, письмо Аате Питкянена под номером 29 было написано в 1933 году, но месяц написан неразборчиво (Письмо А. Питкянена Дэвису от 29.03.1933). Тем не менее в письме говорится об окончании зимы. Другое письмо, написанное 6 апреля, было в том же конверте и сообщало о том, что он не смог отправить письмо, написанное в конце прошлого месяца. Следовательно, можно установить, что предыдущее письмо было написано в марте. Когда таких явных подсказок нет, историкам нужно внимательно восстановить временную линию и попытаться определить даты, используя упоминания об особых событиях, днях смерти или днях рождения.

Трудности возникают и с потерянными страницами – такая преграда встает при изучении всех писем. В письме Тауну Сало Карлу Хейно очевидно, что отсутствует третья страница (Письмо Тауну Сало К. Хейно от 23.11.1935). Как предупреждает Гербер, историки должны критично относиться ко всем пропускам [3; 9]. Гербер также призывает историков обращать внимание на роль получателя при потере страниц или пропусках в переписке [3; 8–10]. Важно узнать, было ли в письме что-либо оскорбительное в адрес получателя или его потомков. Очень серьезной преградой в изучении темы североамериканских финнов в Карелии, как и многих других вопросов советской истории, является цензура. Во время репрессий поток писем значительно сократился. Показательно, что в письме Жустины Хейно обнаруживается информация, согласно которой она отправила своей дочери Марте письмо, в котором сообщала семье об аресте Франка Хейно (Письмо Ж. Хейно № 5). Жустина уверена, что Марта не получила ее письма, потому что она знает, что ответ был бы отправлен сразу, тем более что ни в одном другом письме, посланном ею из Карелии, не упоминалось об аресте. Важно выяснить, были ли потерянные страницы изъяты цензором или автор письма, зная, что переписка контролируется, сам убирал эти страницы.

Историкам также следует выяснить, кем были авторы писем. Например, приехавшая в Карелию молодежь видела здесь возможность построить общество, которое бы соответствовало ее социальным и личным потребностям. В то же время те, кто иммигрировал с семьями и маленькими детьми, от этой возможности отнюдь не выигрывали.

Наконец, как проницательно отметил Гербер, письма – это неизбежно эмоциональный источник [3; 44]. Историки должны учитывать тон,

в котором написано письмо, и быть внимательными к тому, как это могло повлиять на содержание.

Изучение личных писем позволяет собрать информацию для дальнейшего изучения жизненных условий в Карелии. Исследуя перемещение небольшого потока личного имущества, можно понять, в чем больше всего нуждались финны в Карелии. Совершая путь из Америки в Карелию, иммигранты могли передать посылки и письма своим соотечественникам, уже жившим в Карелии, от их родственников и друзей за океаном. Очень ценились получателями такие вещи, как штопальные иглы, бритвы, аспирин, йод, будильники (Письмо А. Питкянена в «Lakeridge Residents» от 20.06.1933; Письмо А. Питкянена родителям от 09.11.1933 и от 01.01.1939). Финны в Карелии просили и получали свитера, нижнее белье, носки, длинное шерстяное белье и особенно обувь (Письмо А. Питкянена родителям от 09.11.1933 и 01.01.1939; письма Ж. и А. Хейно № 4 и 8 от 25.01.1933). Чтобы иммигранты не теряли связь со своими соотечественниками в Канаде и США, им посылались книги и финноязычные американские социалистические и коммунистические газеты, такие как «Punikki», «Vappu» и «Työmies» (Письма А. Питкянена в «Lakeridge Residents» от 20.06.1933 и 08.04.1933).

Часто родственники и друзья посылали такие угощения, как печенье, кофе, сладости, жевательную резинку, что вызывало ностальгию у получателей (Письма А. Питкянена Дэвису от 29.03.1933, в «Lakeridge Residents» от 20.06.1933 и родителям от 09.11.1933). Календари, казалось, имели особое значение для иммигрантов в Карелии, во многом из-за картинок на страницах (Письма А. Питкянена в «Lakeridge Residents» от 08.04.1933 и родителям от 20.03.1937; Письмо Дж. Форселла Дж. Лехто от 29.11.1983). Благодарности за газеты, конверты и картины сопровождали каждое ответное письмо (Письмо А. Питкянена Дэвису от 29.03.1933; Письма Ж. и А. Хейно № А 1 и 9).

Изучение вещей, которые посылались в Карелию, таких как книги, журналы, угощения, показывает, как североамериканские финны пытались сохранить и поддержать связи со своей диаспорой. Отправка таких необходимых вещей, как одежда и иглы, говорит о том, каких товаров первой необходимости не хватало в Карелии. Хотя историки и нашли информацию о более значительных товарах – машинах и тракторах, собранных Обществом технической помощи Карелии и Машинным фондом, важно выяснить, какие товары были востребованы в повседневной жизни [4; 38]. Изучение личных писем как раз дает подробную информацию об условиях жизни, с которыми столкнулись североамериканские финны в Карелии.

Помимо этого письма сообщают и о культурной жизни. Изучение писем позволяет углубиться в исследование молодежной культуры

Советской Карелии 1930-х годов. В письмах Аате Питкянена, Алисы Хейно и Тауно Сало можно найти сведения о том, что строительство социалистической утопии также могло означать формирование новых норм общения, ухаживания и сексуального поведения. Аате Питкянен был полон оптимизма по отношению к современному обществу Карелии. Сообщая своим друзьям о желании стать советским гражданином, он заявил: «Я не верю, что когда-либо пожалею о своем решении» (Письмо А. Питкянена в «Lakeridge Residents» от 20.06.1933). Пока еще ни в одной исследовательской работе не изучался вопрос о том, как молодежное движение повлияло на культурное и общественное развитие Карелии. Посредством изучения писем можно узнать, как молодежь строила свое общество, какие у них были возможности для развлечения и общения и что для них значили свидания и сексуальность.

В то время как одни люди приезжали в Карелию, другие решали уехать оттуда. Аате Питкянен часто писал о значении участия в общественной жизни, что позволяло отвлечься от проблем (Письма А. Питкянена родителям и Дэвису от 09.11.1933 и в «Lakeridge Residents» от 08.04.1933). Он верил, что посещение общественных мероприятий – это «возможность выявить проблемы и попытаться вместе улучшить положение» (Письмо А. Питкянена в «Lakeridge Residents» от 08.04.1933). В письмах сообщается о большом выборе возможностей, доступных тем, кто хотел активно участвовать в развитии молодежной культуры Карелии.

Для противодействия высоким темпам возрвращения обратно в Америку в 1933 году в Петрозаводске был организован американский клуб для молодых людей (Письмо А. Питкянена Дэвису от 09.11.1933). Для молодежи были созданы и многие другие объединения. Комсомол, пионерская организация и советское образование были, в первую очередь, нацелены на воспитание финской молодежи в духе коммунистической идеологии и истории. Алиса Хейно гордилась теми заданиями, которые ей дал ее пионерский отряд (Письмо А. Хейно № 2). Из писем Питкянена также видно, что он принимал активное участие в работе комсомольского агитбюро вплоть до 1939 года (Письмо А. Питкянена родителям от 01.01.1939). Хотя основной задачей этих организаций была подготовка будущих членов коммунистической партии, в письмах в первую очередь отражены возможности социализации, которые сопровождали образовательную деятельность.

Многие молодые люди занимались в музыкальных коллективах – хоровых ансамблях или оркестрах, организованных через школы, работодателей, союзы и комсомол. Алиса Хейно рассказывала своему брату, что занималась во многих группах, где разучивала песни или стихи, которые часто пела и рассказывала на вечерах,

устраиваемых североамериканскими финнами (iltamat) (Письмо А. Хейно № 2). Аате Питкянен писал о том, что принимал участие в концертах одного артиста на радиостанции – это входило в его обязанности по комсомольской работе (Письмо А. Питкянена родителям от 09.11.1933).

Спорт – как официально организованный, так и любительский – был важной частью молодежной культуры Карелии. Фактически во всех городах Карелии были катки (Письмо А. Хейно № 2). Аате Питкянен был членом хоккейной команды (Письмо А. Питкянена Дэвису от 06.04.1933). Влияние американцев можно увидеть в возникновении баскетбольной лиги (Письмо А. Питкянена Дэвису от 06.04.1933). Борьба, футбол, «pesäpallo» (финская игра наподобие бейсбола), легкая атлетика и игры на поле были очень популярны как среди участников, так и среди болельщиков (Письма А. Питкянена в «Lakeridge Residents» от 08.04.1933 и родителям от 20.03.1937 и 12.03.1939). Катание на лыжах было еще одним любимым способом времяпрепровождения, причем популярны были как лыжные гонки, так и просто катание с гор. Такие спортсмены, как Аате Питкянен, благодаря своим увлечениям могли путешествовать, выступая на соревнованиях, становились известными и даже избегали сталинских репрессий. В конце 1938 года Питкянена даже взяли в сборную команду Советского Союза по лыжам. Его перевели из Карелии и направили в распоряжение спорткомитета (Письмо А. Питкянена родителям от 01.01.1939). Официальные образовательные и спортивные учреждения давали молодежи возможность общаться во время тренировок и в течение школьной недели. У детей в карельских школах был только один выходной день (Письмо А. Хейно № 2). Когда школьная или пятидневная рабочая неделя заканчивалась, молодежь мчалась в Дом культуры, чтобы принять участие в проводившихся там мероприятиях (Письмо А. Хейно № 4).

Письма демонстрируют, что в Карелии финская молодежь часто имела доступ к кино. Алиса Хейно, будучи только подростком, находилась под впечатлением от фильмов, которые она смотрела. Она писала брату о фильме, который сильно на нее повлиял. Это был фильм о поэте, который открыто выступает против царизма, присоединившись к советскому делу (Письмо А. Хейно № 2). Однако на Аате Питкянена такие фильмы произвели гораздо меньшее впечатление. Питкянен писал своей сестре и зятю, что ему не понравились фильмы с партийной пропагандой. Он предпочитал те редкие случаи, когда показывали иностранные картины (Письмо А. Питкянена Дэвису от 21.11.1934). Тем не менее, по словам Питкянена, можно было всегда рассчитывать, что в финском театре в Петрозаводске «покажут хорошую пьесу» (Письмо А. Питкянена Дэвису от 21.11.1934). Бильярд был также доступен для молодежи. В 1935 году Тауно Сало писал о том, что бильярдные были очень хорошо оборудованы (Письмо Т. Сало К. Хейно от

23.11.1935). Молодежь могла проводить время, играя в пул за шесть рублей в час (Письмо Т. Сало К. Хейно от 23.11.1935). Бильярд, танцы в субботу вечером и другие вечеринки позволяли финской молодежи в Карелии проводить «шумные и буйные вечера» (Письмо А. Питкянена родителям от 09.11.1933; Письмо Т. Сало К. Хейно от 23.11.1935).

Алиса Хейно писала о том, что именно в Карелии она научилась так хорошо танцевать, что могла бы научить любого. При этом она добавляла, что многие мальчики просили ее научить их танцевать, но она пока так и не назначила урок ни одному из них (Письмо А. Хейно № 4). Для старших подростков и тех, кому было около двадцати, предоставлялись широкие возможности для романтических встреч. Аате Питкянен писал друзьям в Лейкридже, Онтарио, что свидание – это «как болезнь» и что холостяки назначали свидания так часто, как цыгане меняют лошадей (Письмо А. Питкянена в «Lakeridge Residents» от 20.06.1933). В марте 1933 года Аате написал своей сестре: «У меня было несколько таких вспышек – летняя, осенняя, зимняя и весенняя, каждая на одну ночь. У меня уже очень долго не было ни одной постоянной девушки, с прошлого года...» (Письмо А. Питкянена Дэвису от 29.03.1933). В 1937 году Питкянен стал встречаться с Майкки. Он писал своей сестре, что люди были за них очень рады, кроме некоторых холостяков, которые положили свой глаз на «самую приятную и милую девочку по эту сторону Северного полюса» (Письмо А. Питкянена Дэвису от 02.05.1937). Отношения с Майкки оказались недолгими, и в итоге Аате женился на Лилии. Когда Аате и Лилия вступили в серьезные отношения, рождение ребенка не заставило себя долго ждать. То, как быстро пары обзаводились детьми, дало Тауну Сало повод назвать это «социалистической гонкой» (Письмо Т. Сало К. Хейно от 23.11.1935).

Некоторые упоминания о свиданиях и сексуальном поведении, о которых идет речь в письмах, требуют более пристального внимания. Несомненно, что присутствие такого значительного числа молодежи среди иммигрантов привело к новому пониманию общения, ухаживания и сексуальности. Было бы интересно провести сравнительное изучение отношений и сексуального поведения финской молодежи в Северной Америке и Карелии. Поскольку в 1920–30-е годы городская молодежная культура в Северной Америке характеризовалась более свободными социальными нравами, стоит задать вопрос о том, насколько на финскую молодежь, которая первоначально жила в сельских или тяготеющих к промышленным центрам районах в западной части Великих Озер, повлияли молодежные движения, появившиеся после Первой мировой войны. Исходя из того, что молодые финны-иммигранты, живущие в Карелии, получили социалистическое воспитание, также необходимо

обратиться к вопросу о том, какое влияние на их понимание сексуальности оказывали работы, защищающие свободную любовь при социализме.

Как кажется, личные письма являются лучшим источником проникновения в вопросы общественных норм и сексуального поведения. Благодаря им можно понять, почему многие ретроспективные источники, например письма Джека Форселла, игнорируют вопросы, связанные с молодежной культурой. Так, многие развлечения, описанные в письмах очень подробно, могут быстро забыться, или лишь спустя годы будет осознана их значимость. Тем не менее важно помнить дни, когда молодежь Карелии была полна оптимизма относительно будущего, которое она строила.

Изучение писем иммигрантов способствует лучшему пониманию того, как люди видели свое место в межнациональном мире, а также тех отношений, которые они поддерживали и развивали как со своей родной страной, так и с той страной, куда они приехали. Одно из самых интересных наблюдений, сделанных при исследовании всех трех коллекций писем, заключается в том, что сами авторы говорят, какой должна быть переписка. Каждый из авторов заботился о своевременном получении писем и об определенном количестве ответов. Например, в письме, адресованном в родной город, Аате Питкянен жалуется, что его сестра пишет письма друзьям в Карелию, пренебрегая при этом им (Письмо А. Питкянена в «Lakeridge Residents» от 20.06.1933). Однако в этом же письме, написанном в июне, Питкянен признается, что еще не ответил на многие письма, так же как и не успел написать письмо с благодарностью за рождественскую открытку. Осознание того, что он не отоспал требуемого числа писем, могло вызвать беспокойство у того, кто писал письмо. Например, Джек Форселл, писавший только своей племяннице и сестре, все-таки боялся, что другие подумают, что он о них забыл (Письмо Дж. Форселла Дж. Лехто от 06.02.1979). То, что авторы так серьезно относились к переписке, говорит об их обязательствах перед родиной, которую они покинули.

Некоторые авторы решили открыть свою личную переписку для публики. Джек Форселл рассматривал свои письма как «открытые письма для тех, у кого хватит терпения их прочитать» (Письмо Дж. Форселла Дж. Лехто от 06.02.1979). В одном из писем Алиса Хейно даже написала имена людей, которых она хотела бы видеть читателями своего письма (Письмо А. Хейно № 3). В работе Гербера также отмечается стремление авторов адресовать свои письма определенному количеству получателей в своем населенном пункте или семье [3; 76]. Вместе с тем Гербер упоминает и авторов, которые поначалу хотели открыть свои письма публике, а позже выступали за конфиденциальность [3; 108–110]. Это можно проследить в письмах Аате Питкянене.

Он почти всегда просил получателя передать письмо дальше сразу после прочтения, однако 8 апреля 1933 года Питкянен пишет: «Эти новости вы должны более или менее сохранить при себе» (Письмо А. Питкянена в «Lakeridge Residents» от 08.04.1933).

Хотя авторы писем старались соблюдать требования эпистолярного жанра, отсутствие информации о своих близких могло вызвать острое чувство одиночества и депрессию. После того как Жустина Хейно потеряла в Карелии двух сыновей и не знала, что случилось с ее мужем, ее письма превратились в отчаянную мольбу, с помощью которой она стремилась связаться с семьей и старыми друзьями. Жустина писала, что она думает обо всех своих старых друзьях, рассматривает несколько фотографий, которые у нее сохранились, и признавалась, что практически ничего не знает об их жизни, так как долго не писала писем (Письмо Ж. Хейно № 9 от 16.06.1941).

Желание авторов писем составить полный список тех людей, с которыми они общались, как, например, в письме Алисы Хейно от 18 марта, может рассматриваться как попытка не потеряться, а расти и развиваться параллельно с социальными изменениями в родных местах (Письмо А. Хейно № 2). К сожалению, в книге «Незримые иммигранты» Ш. Эриксон не сообщает об известиях и поздравлениях в письмах, которые упоминаются в работе [2; 9]. Обращая внимание на эти, казалось бы, обыденные вещи, историки могут узнать, как иммигранты пытались сохранить свое место на родине и принять активное участие в развитии родных мест, от которых они были так далеко. В качестве примера можно привести упоминавшуюся выше дискуссию о ввозимых из Канады и США вещах, когда в письмах авторы очень подробно перечисляли все, что они получили. Однако при изучении таких писем большее внимание нужно уделять именно списку вещей, а также самой практике отправления посылок, а не просто факту заботы о родных и получению нужных вещей.

Для Алисы Хейно представлял особую значимость граммофон, который она хранила в Карелии, потому что это был подарок ее брата, а о самом факте получения она упоминала в двух письмах (Письма А. Хейно № 2 и 4). В 1939 году Аате Питкянен, живущий в Карелии уже несколько лет, перечислил все, что он получил за все годы, от кого он получил эти вещи и что из них сохранилось до сих пор (Письмо А. Питкянена родителям от 01.01.1939). Этот факт говорит о ценности и важности для Питкянена тех вещей, которые он получил (даже самых практических). Для Аате носки были не просто носками, они были «носками, которые прислал Хулкок», газета – «газетой Антти Кари» (Письмо А. Питкянена родителям от 01.01.1939). К тому же те чувства, которые испытывал Аате Питкянен ко всем этим вещам, были показателем того, какое расстояние разделяло его с друзьями,

которых он покинул много лет назад. Эти нюансы открывают личные переживания авторов писем, которые страстно желали сохранить отношения со своим родным обществом, а с ними и чувство «личной целостности».

Чувство стремления к друзьям, семье, местам, оставленным позади, и ностальгия по ним показывают, насколько североамериканские финны хотели сохранить свое место в обществе, которое они покинули. Уже в первые дни после приезда в Карелию Алиса Хейно заявляла, что она счастлива, но планирует поездку в США (Письма А. Хейно № 3 и 4). Чем больше проходило времени и чем сильнее было влияние сталинских чисток, тем меньше оставалось от оптимизма начала 1930-х годов, и в письмах Аате Питкянена все чаще звучало желание вернуться к семье. В июне 1942 года, за несколько дней до казни, Питкянен писал об угрызениях совести от того, что уже очень давно не был у родителей. Он писал: «Я прошу прощения за то, что не смог вам помочь в пожилом возрасте, но, как вы и сами знаете, это было просто невозможно» (Письмо А. Питкянена родителям от 10.06.1942). И далее: «Отец, ты правильно сделал, что во время вернулся в Канаду, не страдал от этих войн и не был оторван от дома и семьи, как я» (Письмо А. Питкянена родителям от 10.06.1942). В своем последнем письме от 12 июня 1942 года Аате признавался: «Я всегда хотел вас увидеть, особенно сейчас, когда у меня есть своя собственная семья» (Письмо А. Питкянена родителям от 12.06.1942). Такие заявления говорят о том, что финны, много лет назад покинувшие финскую диаспору в Америке и начавшие новую жизнь, все еще стремились сохранить для себя место в Северной Америке. С одной стороны, в письмах прослеживается стремление сохранить место на родине, с другой стороны, подробное исследование того, как в письмах описаны репрессии и война, показывает, как североамериканские финны видели свое место в Советской Карелии. Самое значимое письмо, рассказывающее о репрессиях, можно найти в коллекции Аате Питкянена. Автором письма была Айно Питкянен, тетя Аате (Письмо Айно Питкянен А. и К. Питкянен от 25.07.1938). Айно Питкянен имела возможность подробно описать события, происходившие в Карелии, потому что за несколько месяцев до этого она была депортирована из СССР и писала из Финляндии: «Россия переживает большие репрессии. Всю зиму мы со страхом ждали, чья же очередь наступит сегодня вечером. Приходили солдаты со штыками и забирали людей, после чего о последних больше ничего не было слышно. Они забирали финнов со всей реки так тщательно, что осталось всего четыре человека... Вы не поверите, какой была жизнь в Советском Союзе прошлой зимой. Если кто-то делал что-то неправильно, его заставляли работать в поте лица, некоторые были арестованы, другие высланы...

Всю прошлую зиму мы не осмеливались заснуть. Все время мы не спускали глаз с двери, ждали, когда придут солдаты, ведь они всегда приходили ночью...» В письме перечисляются имена людей, которых забрали, и продолжается рассказ о том, что происходило дальше. Свобода, с которой могла писать Айно, была недоступна в Карелии. Тем не менее, по словам Джека Форселла, они понимали, что в 1938 году людей убивали (Письмо Дж. Форселла Дж. Лехто от 14.01.1993).

За исключением Айно Питкянен, авторы писем буквально «всывали» между строк упоминания о репрессиях. Это делалось для того, чтобы пройти проверку цензора. Когда обсуждались репрессии, авторы преуменьшали свои утраты и боль, чтобы оплакать всех жертв репрессий, затронувших финнов. В то время как Жустина не была уверена в том, жив ее муж или нет, она переступала через свой траур, говоря о том, что он – один из тысячи пропавших (Письмо Ж. Хейно сыну № 9 от 16.06.1941). Аате Питкянен был казнен финнами в оккупированном Петрозаводске как изменник, и в своем последнем письме он пишет о потерях отдельных семей как о горе всего общества: «У меня были надежды на то, что после войны мы соберемся вместе и сможем помочь тем, кому вдруг потребуется наша помощь, однако изменить свою судьбу никто не в силах. В конце концов, сколько уже погибло парней, каждый из которых был лучше меня» (Письмо А. Питкянена родителям от 12.06.1942). Такого же мнения был и Джек Форселл. Он был расстроен, прочитав автобиографическую книгу Мейми Севандер «They Took My Father» («Они забрали моего отца»), так как ему казалось, что книга излишне сфокусирована на судьбе одной семьи, а не всего общества (Письмо Дж. Форселла Дж. Лехто, октябрь 1992).

Айно Питкянен дважды утверждала, что получатели писем не смогут понять событий, произошедших в Карелии. Точно так же Джек Форселл пятьдесят лет спустя верил, что тот, кто сам не пережил репрессий и войну, «не сможет ничего понять и поверить в то, что было» (Письмо Дж. Форселла Дж. Лехто от 04.12.1988). Спустя год после реакции на мемуары Севандер Фор-

селл писал: «Настоящую трагедию было бы для вас очень сложно осмыслить» (Письмо Дж. Форселла Дж. Лехто от 14.01.1993), поэтому, по его мнению, размытое описание событий в книге М. Севандер даже к лучшему.

После изучения писем Айно Питкянен, Жустины Хейно, Аате Питкянена и Джека Форселла становится ясно, что для североамериканских финнов в Карелии было характерно чувство единства, которое все больше крепло после травм, пережитых вместе. С одной стороны, во всех письмах чувствуется стремление авторов сохранить свое место на родине, а с другой – прослеживается четкое осознание себя частью карельского общества. Изучение большего количества писем, несомненно, поможет расширить знания о том, как пересекались самосознание народа и репрессии.

Коллекция писем Хейно, Питкянена и Форселла показывает важность дальнейшего анализа для изучения иммиграции. Письма демонстрируют, как североамериканские финны в Советской Карелии использовали свои связи с домом для того, чтобы улучшить материальные условия жизни. Изучение различных видов товаров, которые шли из Северной Америки в Карелию, дает представление о том, какие необходимые товары были недоступны в Карелии и какие товары ценились иммигрантами. Описания общества, ухаживания, сексуальности молодежи в письмах открывают возможности для изучения карельской молодежной культуры. Исследование того, как авторы писем понимают переписку, помогает определить, как североамериканские финны в Карелии пытались оставаться активными участниками жизни своих родных мест. Наконец, изучение того, что иммигранты писали о репрессиях, показывает, как формировалось осознание личного своеобразия посредством коллективного переживания народных бед – репрессий и войны. Таким образом, изучение писем иммигрантов может способствовать расширению знаний об истории строительства социализма в Карелии североамериканскими финнами.

(Пер. с англ. А. Рожковой)

## ИСТОЧНИКИ

- Missing in Karelia Research Project Letter Collections* (Коллекции писем в проекте *Missing in Karelia Research Project*):  
 Jack Forsell, February 20, 1972 – June 23, 1997. (Письма Дж. Форселла 20 февраля 1972 – 23 июня 1997).  
 Justiina and Alice Heino, circa. 1933 – June 16, 1941. (Nos. 1–9) (Письма Жустины и Алисы Хейно 1933 – 16 июня 1941 (№ 1–9)).  
 Aate Pitkanen, March 29, 1933 – June 12, 1942. (Письма А. Питкянена от 29 марта 1933 – 12 июня 1942).  
 Aino Pitkanen, July 25, 1938. (Письмо Айно Питкянен от 25 июля 1938).  
 Tauno Salo, November 23, 1935. (Письмо Тауно Сало от 23 ноября 1935).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Autio P. Haaveet jaivat haaveiksi / P. Autio // Carelia Kultuurilehti. – 1993. – № 3. – P. 37–43.
2. Erickson Ch. Invisible Immigrants: The Adaptation of English and Scottish Immigrants in 19th-Century America / Ch. Erickson. – Ithaca: Cornell University Press, 1972.
3. Gerber D. A. Authors of Their Lives: The Personal Correspondence of British Immigrants to North America in the Nineteenth Century / D. A. Gerber. – New York: New York University Press, 2006.
4. Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia During the Depression Era / Edit. Harpelle Ronald, Varpu Lindstrom, Alexis E. Pogorelskin. – Beaverton, ON: Aspasia Books, 2004.
5. «Letters from Stalin's Russia» Homepage. [www.gulagletters.com](http://www.gulagletters.com).
6. «The Missing In Karelia Research Project» Homepage. [www.missinginkarelia.com](http://www.missinginkarelia.com).

(Статья печатается с небольшими редакторскими сокращениями. Библиографическое описание использованной литературы сохранено в авторской редакции. – Прим. ред.)